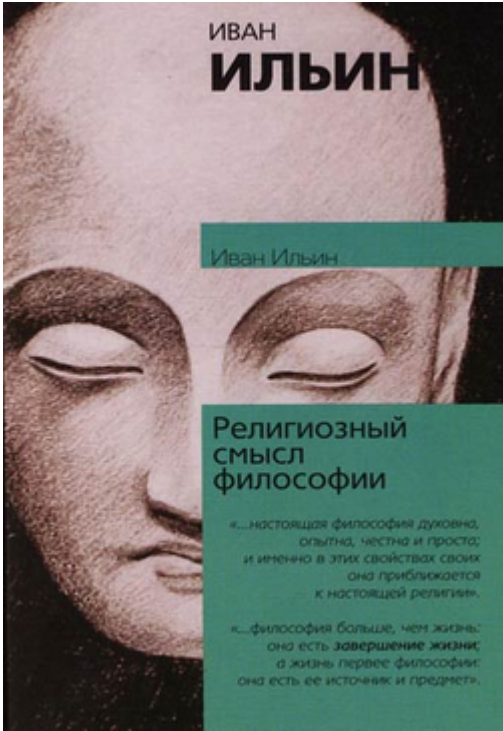

ИВАН
ИЛЬИН

Иван Ильин

Религиозный смысл философии

«...настоящая философия духовна,
опытна, честна и проста;
и именно в этих свойствах своих
она приближается
к настоящей религии».

«...философия больше, чем жизнь:
она есть **завершение жизни**;
а жизни **первее философии**:
она есть ее источник и предмет».

Иван Александрович Ильин

Поющее сердце

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177400

*Религиозный смысл философии: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 5-17-040410-7, 5-9713-4380-7, 5-9762-1509-2*

Аннотация

В настоящее издание вошли три наиболее значительных работы известного философа и политического мыслителя русского зарубежья И.А.Ильина (1883–1954), которые дают целостное представление о его философских, этических и политических взглядах.

Значение философии состоит в том, что в ней осуществляется наиболее полное и непосредственное приобщение к подлинной духовной реальности. Все остальное в жизни и духовной культуре содержит опыт приобщения к высшей реальности только в частичной, затемненной, искаженной форме и поэтому неизбежно предполагает «просветление», углубление до философского опыта. В связи с этим наряду с понятием акта очевидности Ильин будет использовать как эквивалентные ему понятия «философский акт» и «философский опыт». Только в работах последнего периода творчества эти понятия будут вытеснены понятиями «религиозный акт» и «религиозный опыт». Особенно подробно акт очевидности, философский акт анализируется в трех работах (представляющих собой тексты речей), сведенных Ильиным в книгу «Религиозный смысл философии»

Содержание

Книга тихих созерцаний	4
ПРЕДИСЛОВИЕ О ЧТЕНИИ	4
I. ПЕРВЫЕ ЛУЧИ	6
1. БЕЗ ЛЮБВИ (Из письма к сыну)	6
2. О СПРАВЕДЛИВОСТИ	8
3. ЕГО НЕНАВИСТЬ	10
4. МОЯ ВИНА	13
5. О ДРУЖБЕ	15
II. ШКОЛА ЖИЗНИ	19
6. МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ	19
7. ОБЛАКА	20
8. О ЛИШЕНИЯХ	22
9. О ЗДОРОВЬЕ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

И. А. ИЛЬИН

ПОЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Книга тихих созерцаний

ПРЕДИСЛОВИЕ О ЧТЕНИИ

Каждый писатель тревожится о том, как его будут читать? Поймут ли? Увидят ли то, что он хотел доказать? Почувствуют ли то, что любило его сердце? И кто будет его читатель? От этого зависит так много... И прежде всего – состоится ли у него желанная, духовная встреча с теми далекими, но близкими, для которых он втайне писал свою книгу?

Дело в том, что далеко не все читающие владеют искусством чтения: глаза бегают по буквам, «из букв вечно выходит какое-нибудь слово» (Гоголь) и всякое слово что-нибудь да «значит»; слова и их значения связываются друг с другом, и читатель представляет себе что-то – «подержанное», расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно-мимолетное, что быстро уносится в позабытое прошлое... И это называется «чтением». Механизм без духа. Безответственная забава. «Невинное» развлечение. А на самом деле – культура верхоглядства и поток пошлости.

Такого «чтения» ни один писатель себе не желает. Таких «читателей» мы все опасаемся. Ибо настоящее чтение происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл...

Как возникло, как созрело написанное?

Кто-то жил, любил, страдал и наслаждался; наблюдал, думал, желал – надеялся и отчаивался. И захотелось ему поведать нам о чем-то таком, что *для всех* нас важно, что нам необходимо духовно увидеть, прочувствовать, продумать и усвоить. Значит – что-то *значительное* о чем-то *важном и драгоценном*. И вот он начинал отыскивать верные образы, ясно-глубокие мысли и точные слова. Это было не легко, удавалось не всегда и не сразу. Ответственный писатель вынашивает свою книгу долго: годами, иногда – всю жизнь; не расстается с нею ни днем, ни ночью; отдает ей свои лучшие силы, свои вдохновенные часы; «болеет» ее темой и «исцеляется» писанием. Ищет сразу и правды, и красоты, и «точности» (по слову Пушкина), и верного стиля, и верного ритма, и все для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца... И, наконец, произведение готово. Последний просмотр строгим, зорким глазом; последние исправления – и книга отрывается, и уходит к читателю, неизвестному, далекому, может быть – легковесно-капризному, может быть – враждебно-придирчивому... Уходит – без него, без автора. Он выключает себя и оставляет читателя со своею книгою «наедине».

И вот мы, читатели, беремся за эту книгу. Перед нами накопление чувств, постижений, идей, образов, волевых разрядов, указаний, призывов, доказательств, целое здание духа, которое дается нам прикровенно, как бы при помощи шифра. Оно скрыто за этими черными мертвыми крючками, за этими общеизвестными, поблекшими словами, за этими общедоступными образами, за этими отвлеченными понятиями. Жизнь, яркость, силу, смысл, дух – должен из-за них добыть *сам читатель*. Он должен воссоздать в себе созданное автором; и если он не умеет, не хочет и не сделает этого, то *за него* не сделает этого никто: все будет его «чтение» и книга пройдет мимо него. Обычно думают, что чтение доступно всякому грамотному... Но, к сожалению, это совсем не так. Почему?

Потому, что настоящий читатель отдает книге свое свободное внимание, все свои душевные способности и свое умение вызывать в себе ту верную духовную установку, кото-

рая необходима для понимания *этой* книги. Настоящее чтение не сводится к бегству напечатанных слов через сознание; оно требует сосредоточенного внимания и твердого желания верно услышать голос автора. Одного рассудка и пустого воображения для чтения недостаточно. Надо *чувствовать сердцем и созерцать из сердца*. Надо пережить страсть – страстным чувством; надо пережить драму и трагедию живую волею; в нежном лирическом стихотворении надо внять всем вздохам, вострепетать всею нежностью, взглянуть во все глубины и дали; а великая идея может потребовать не более и не менее как *всего* человека.

Это означает, что читатель призван верно воспроизвести в себе душевный и духовный акт писателя, зажечь этим актом и доверчиво отдаться ему. Только при этом условии состоится желанная встреча между обоими и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель. Истинное чтение есть своего рода *художественное ясновидение*, которое призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими. Искусство чтения побеждает одиночество, разлуку, даль и эпоху. Это есть сила духа – оживлять буквы, раскрывать перспективу образов и смысла за словами, заполнять внутренние «пространства» души, созерцать нематериальное, отождествляться с неизвестными или даже умершими людьми и вместе с автором художественно и мыслительно постигать сущность бо-гозданного мира.

Читать – значит *искать и находить*: ибо читатель как бы отыскивает скрытый писателем духовный клад, желая найти его во всей его полноте и присвоить его себе. Это есть *творческий* процесс, ибо воспроизводить – значит творить. Это есть борьба за духовную встречу: это есть *свободное единение* с тем, кто впервые приобрел и закопал искомый клад. И тому, кто никогда этого не добивался и не переживал, всегда будет казаться, что от него требуют «невозможного».

Искусство чтения надо приобретать и вырабатывать в себе. Чтение должно быть углублено; оно должно стать творческим и созерцательным. И только тогда нам всем откроется его духовная ценность и его душеобразующая сила. Тогда мы поймем, что следует читать и чего читать не стоит, ибо есть чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение разлагающее и обессиливующее.

По чтению можно узнавать и определять человека. Ибо каждый из нас есть то, *что* он читает; и каждый человек есть то, как он читает; и все мы становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов...

Книга, для которой я пишу это предисловие, выношена в сердце, написана от сердца и говорит о сердечном пении. Поэтому ее нельзя понять в бессердечном чтении. Но я верю, что она найдет своих читателей, которые верно поймут ее и увидят, что она написана для русских о России.

I. ПЕРВЫЕ ЛУЧИ

1. БЕЗ ЛЮБВИ (Из письма к сыну)

Итак, ты думаешь, что можно прожить без любви: *сильною волею, благою целью, справедливостью и гневной борьбой с вредителями*? Ты пишешь мне: «О любви лучше не говорить: ее *нет* в людях. К любви лучше и не призывать: кто пробудит ее в черствых сердцах?»...

Милый мой! Ты и прав, и не прав. Собери, пожалуйста, свое нетерпеливое терпение и вникни в мою мысль.

Нельзя человеку прожить без любви, потому что она *сама в нем просыпается и им овладевает*. И это дано нам *от Бога и от природы*. Нам не дано произвольно распоряжаться в нашем внутреннем мире, удалять одни душевные силы, заменять их другими и насаждать новые, нам не свойственные. Можно воспитывать себя, но нельзя сломать себя и построить заново по своему усмотрению. Посмотри, как протекает жизнь человека. Ребенок применяется к матери – потребностями, ожиданием, надеждою, наслаждением, утешением, успокоением и благодарностью; и когда все это слагается в первую и нежнейшую любовь, то этим определяется его личная судьба. Ребенок ищет своего отца, ждет от него приветов, помощи, защиты и водительства, наслаждается его любовью и любит его ответно; он гордится им, подражает ему и чувствует в себе его кровь. Этот голос крови говорит в нем потом всю жизнь, связывает его с братьями и сестрами, и со всем родством. А когда он позднее загорается взрослой любовью к «ней» (или, соответственно, она к «нему»), то задача состоит в том, чтобы превратить это «побуждение природы» в подлинное «посещение Божие» и принять его, как свою судьбу. И не естественно ли ему любить *своих* детей той любовью, которой он в своих детских мечтаниях ждал от своих родителей?.. Как же обойтись без любви? Чем заменить ее? Чем заполнить страшную пустоту, образуемую при ее отсутствии?

Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть *главная выбирающая сила в жизни*. Жизнь подобна огромному, во все стороны бесконечному потоку, который обрушивается на нас и несет нас с собою. Нельзя жить *всем*, что он несет: нельзя отдаваться этому крутящемуся хаосу содержаний. Кто попытается это сделать, тот растратит и погубит себя: из него ничего не выйдет, ибо он погибнет во всесмешении. Надо *выбирать*: отказываться от очень многого ради сравнительно немногого; это немногое надо привлекать, беречь, ценить, копить, растить и совершенствовать. И этим строить свою личность. Выбирающая же сила есть *любовь*: это она «предпочитает», «приемлет», «прилепляется», ценит, бережет, помогает и блюдет верность. *А воля есть лишь орудие любви* в этом жизненном делании. Воля без любви пуста, черства, жестка, насильственна и, главное, *безразлична к добру и злу*. Она быстро превратит жизнь в *каторжную дисциплину под командой порочных людей*. На свете есть уже целый ряд организаций, построенных на таких началах. Храни нас Господь от них и от их влияния... Нет, нам нельзя без любви: она есть великий дар – *увидеть лучшее, избрать его и жить им*. Это есть необходимая и драгоценная способность сказать «да», принять и начать самоотверженное служение. Как страшна жизнь человека, лишенного этого дара! В какую пустыню, в какую пошлость превращается его жизнь!

Нельзя человеку прожить без любви и потому, что она есть *главная творческая сила человека*.

Ведь человеческое творчество возникает не в пустоте и протекает не в произвольном комбинировании элементов, как думают теперь многие верхогляды. Нет, творить можно только *приняв богозданный мир*, войдя в него, вросши в его чудесный строй и слившись с

его таинственными путями и закономерностями. А для этого нужна вся сила любви, весь дар художественного перевоплощения, отпущенный человеку. Человек творит не из пустоты: он творит *из уже сотворенного*, из сущего, создавая новое в пределах данного ему естества – внешне-материального и внутренне-душевного. Творящий человек должен внять мировой глубине и сам запеть из нее. Он должен научиться *созерцать сердцем*, видеть любовью, уходить из своей малой личной оболочки в светлые пространства Божии, находить в них *Великое – сродное – принадлежащее*, вчувствоваться в него и создавать *новое из древнего и невиданное из предвечного*. Так обстоит во всех главных сферах человеческого творчества: во всех искусствах и в науке, в молитве и в правовой жизни, в общении людей и во всей культуре. Культура без любви есть мертвое, обреченное и безнадежное дело. И все великое и гениальное, что было создано человеком – было создано из *созерцающего и поющего сердца*.

Нельзя человеку прожить без любви потому, что *самое главное и драгоценное в его жизни открывается именно сердцу*. Только созерцающая любовь открывает нам *чужую душу* для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей. Все это недоступно бессердечным людям. Только созерцающая любовь открывает человеку его *родину*, т. е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле. Иметь родину есть счастье, а иметь ее можно только любовью. Не случайно, что люди ненависти, современные революционеры, оказываются интернационалистами: мертвые в любви, они лишены и родины. Только созерцающая любовь открывает человеку доступ *к религиозности и к Богу*. Не удивляйся, мой милый, безверию и маловерию западных народов: они приняли от римской церкви неверный религиозный акт, начинающийся с воли и завершающийся рассудочной мыслью, и, приняв его, пренебрегли сердцем и утратили его созерцание. Этим был предопределен тот религиозный кризис, который они ныне переживают.

Ты мечтаешь о сильной воле. Это хорошо и необходимо. Но она страшна и разрушительна, если не вырастет из созерцающего сердца. Ты хочешь служить благой цели. Это верно и превосходно. Но как ты увидишь свою цель, если не сердечным созерцанием? Как ты узнаешь ее, если не совестью своего сердца? Как соблюдешь ей верность, если не любовью? Ты хочешь справедливости, и мы все должны ее искать. Но она требует от нас художественной индивидуализации в восприятии людей, а к этому способна только любовь. Гневная борьба с вредителями бывает необходима и неспособность к ней может сделать человека сентиментальным предателем. Но гнев этот должен быть *рожден любовью*, он должен быть сам *ее воплощением* для того, чтобы находить в ней оправдание и меру...

Вот почему я сказал, что ты «и прав и не прав».

И еще: я понимаю твое предложение «лучше о любви не говорить». Это верно: *надо жить ею*, а не говорить о ней. Но вот, посмотри: в мире раздалась открытая и безумная пропаганда ненависти; в мире поднялось упорное и жестокое гонение на любовь – поход на семью, отрицание родины, подавление веры и религии. Практическая бессердечность одних увенчалась прямою проповедью ненависти у других. Черствость нашла своих апологетов. Злоба стала доктриною. А это означает, что пришел час *заговорить о любви* и встать на ее защиту.

Да, в людях мало любви. Они исключили ее из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и из воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по своей глубине и по своему размаху. Видя это, понимая это, нам естественно спросить себя: кто же пробудит любовь в черствых сердцах, если она не пробудилась от жизни и слова Христа, Сына Божия? Как браться за это нам, с нашими малыми человеческими силами?

Но это сомнение скоро отпадает, если мы вслушаемся в голос нашего сердечного созерцания, уверяющего нас, что Христос и в нас и с нами...

Нет, мой милый! Нельзя нам без любви. Без нее мы *обречены* со всей нашей культурой. В ней наша надежда и наше спасение. И как нетерпеливо я буду ждать теперь твоего письма с подтверждением этого.

2. О СПРАВЕДЛИВОСТИ

С незапамятных времен люди говорят и пишут о справедливости: может быть, даже с тех самых пор, как вообще начали говорить и писать... Но до сих пор вопрос, по-видимому, не решен, – что такое справедливость и как ее осуществить в жизни? Трудно людям согласиться в этом деле, потому что они чувствуют жизненное практическое значение этого вопроса, предвидят невыгодные последствия для себя и потому спорят, как заинтересованные, беспокойно и подозрительно: того гляди «со согласишься» «на свою голову» – и что тогда?

Каждый из нас желает справедливости и требует, чтобы с ним обходились справедливо; каждый жалуется на всевозможные несправедливости, причиненные ему самому, и начинает толковать справедливость так, что из этого выходит *явная несправедливость в его пользу*. При этом он убежден, что толкование его правильно и что он «совершенно справедливо» относится к другим, но никак не хочет заметить, что все возмущаются его

«справедливостью» и чувствуют себя притесненными и обойденными. Чем скуднее, теснее и насильственнее жизнь людей, тем острее они переживают все это и тем труднее им договориться и согласиться друг с другом. В результате оказывается, «справедливостей» столько, сколько недовольных людей и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стоит говорить.

Это означает, что интересы и страсти искажают великий вопрос, ум не находит верного решения и все обрастает дурными и ловкими предрассудками. Из предрассудков возникают ложные учения; они ведут к насилию и революции, а революции приносят только страдания и кровь, чтобы разочаровать и отрезвить людей, оглушенных своими страстями. Так целые поколения людей живут в предрассудках и томятся в разочаровании; и иногда бывает так, что самое слово «справедливость» встречается иронической улыбкой и насмешкой.

Однако, все это не компрометирует и не колеблет старую, благородную идею справедливости и мы по-прежнему должны противопоставлять ее всякой бессовестной эксплуатации, всякой классовой борьбе и всякому революционному уравнительству. Мы можем быть твердо уверены, что ей принадлежит будущее. И все дело в том, чтобы верно постигнуть ее сущность.

Французская революция восемнадцатого века провозгласила и распространила вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и будто вследствие этого со всеми людьми надо обходиться «одинаково»... Этот предрассудок *естественного равенства* является главным препятствием для разрешения нашей основной проблемы. Ибо сущность справедливости состоит именно в *неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми*.

Если бы люди были действительно равны, т. е. одинаковы телом, душой и духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: «одинаковым людям – одинаковую долю» или «всем всего поровну» – и вопрос был бы разрешен. Тогда справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и все были бы довольны, ибо люди и в самом деле были бы, как равные атомы, как механически перекачиваемые с места на место шарики, до неразличимости одинаковые и внутренне и внешне. Что может быть наивнее, упрощеннее и пошлее этой теории? Какое верхоглядство – или даже прямая слепота – приводят людей к подобным мертвым и вредным воззрениям? После французской революции прошло 150 лет. Можно было бы надеяться, что этот слепой материалистический предрассудок отжил давно

свой век. И вдруг он снова появляется, завоевывает слепые сердца, торжествует победу и обрушивает на людей целую лавину несчастия...

*На самом деле люди неравны от природы и неодинаковы ни телом, ни душою, ни духом. Они рождаются существами различного пола; они имеют от природы неодинаковый возраст, неравную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рожденные, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, к различным климатам привыкшие, неодинаково образованные, с разными привычками и талантами – люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они и духовно неодинаковы: все они – различного ума, различной доброты, несходных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны во всех отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые обязанности: старики, больные, женщины и дети не подлежат воинской повинности. Нельзя давать им одинаковые права: дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях. Нельзя взыскивать со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. И вот, кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди *неравны* от природы, *неравны* по своей силе и способности, *неравны* и по своему социальному положению; и что *справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми*; напротив, она требует *неравенства для неравных*, но *такого неравенства*, которое *соответствовало бы действительному неравенству людей*.*

Здесь-то и обнаруживается главная трудность вопроса. Людей – бесконечное множество; все они различны. Как сделать, чтобы каждый получил в жизни согласно своей особенности? Как угнаться за всеми этими бесчисленными своеобразиями? Как «воздать каждому свое» (по формуле римской юриспруденции)? Они *не* одинаковы; значит, и обходиться с ними надо не одинаково – согласно их своеобразию... Иначе возникнет несправедливость...

Итак, справедливость совсем не требует равенства. Она требует *предметно-обоснованного неравенства*. Ребенка надо охранять и беречь; это дает ему целый ряд *справедливых привилегий*. Слабого надо щадить. Уставшему подобает снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия. С болтливым нужна осторожность. С одаренного человека справедливо взыскивать больше. Герою подobaют почести, на которые не-герой не должен претендовать. И так – во всем и всегда...

Поэтому справедливость есть *искусство неравенства*. В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также *живая совесть и живая любовь* к человеку. Есть особый *дар справедливости*, который присущ далеко не всем людям. Этот дар предполагает в человеке *доброе, любящее сердце*, которое не хочет умножать на земле число обиженных, страдающих и ожесточенных. Этот дар предполагает еще живую наблюдательность, обостренную чуткость к человеческому своеобразию, способность вчувствоваться в других. Справедливые люди отвергают механическое трактование людей по отвлеченным признакам. Они созерцательны, интуитивны. Они хотят рассматривать каждого человека индивидуально и постигают скрытую глубину его души...

Вот почему справедливость есть начало *художественное*: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого человека, старается оценить его верно и обойтись с ним *предметно*. Она «внимательна», «бережна», «социальна»; она блюдет чувство меры; она склонна к состраданию, к деликатному снисхождению и прощению. Она имеет много

общего с «тактом». Она тесно связана с чувством ответственности. Она по самому существу своему *любовна*: она рождается от сердца и есть живое проявление любви.

Безумно искать справедливость, исходя из ненависти, ибо ненависть завистлива, она ведет не к справедливости, а к всеобщему уравниванию. Безумно искать справедливости в революции, ибо революция дышит ненавистью и местью, она слепа, она разрушительна; она враг справедливого неравенства; она не чтит «высших способностей» (Достоевский). А справедливость сама по себе есть одна из высших способностей человека, и призвание ее состоит в том, чтобы *узнавать и беречь высшие способности...*

Люди будут осуществлять справедливость в жизни тогда, когда *все* или, по крайней мере, очень многие станут ее *живыми художниками* и усвоят *искусство предметного неравенства*. И тогда справедливый строй будет сводиться не к механике справедливых учреждений, а к *органическому интуитивному нахождению предметных суждений и предметных обхождений для непрерывного жизненного потока человеческих своеобразий*. Справедливость не птица, которую надо поймать и запереть в клетку. Справедливость не отвлеченное правило для всех случаев и для всех людей, ибо такое правило *уравнивает*, а не *«опредмечивает»* (от слова «предмет») жизнь. Справедливость не следует представлять себе по схемам «раз навсегда», «для всех людей», «повсюду». Ибо она именно *не* «раз навсегда», а *живой поток индивидуальных отступлений*. Она не «для всех людей», а *для каждого в особенности*. Она не «повсюду», а *живет исключениями*.

Справедливость нельзя найти ни в виде общих правил, ни в виде государственных учреждений. Она не «система», а жизнь. Ее нужно представлять себе в виде *потока живой и предметной любви к людям*. Только такая любовь может разрешить задачу: она будет *творить жизненную справедливость*, создавать в жизни и в отношениях людей все новое и новое *предметное* неравенство.

Вот почему в жизни важнее всего не *«найденная раз навсегда»* справедливость: это иллюзия, химера, вредная и неумная утопия. В жизни важнее всего *живое сердце, искренно желающее творческой справедливости*; и еще – *всеобщая уверенность, что люди действительно искренно* хотят творческой справедливости и честно ищут ее. И если это *есть*, тогда люди будут легко мириться с неизбежными несправедливостями жизни – условными, временными или случайными, и будут охотно покрывать их *жертвенным настроением*. Ибо каждый будет знать, что впереди его ждет *истинная, т. е. художественно-любовная справедливость*.

3. ЕГО НЕНАВИСТЬ

Как тягостно, почти невыносимо бывает это ощущение, что «он меня ненавидит»... Какое чувство собственного бессилия овладевает душою... Хочется не думать об этом; и это иногда удается. Но, и не думая, чувствуешь через духовный эфир эту струю, этот ток чужого отвращения, презрения и зложелательства. И не знаешь, что начать; и не можешь совсем забыть; и несешь на себе через жизнь это проклятие.

Каждый человек – знает он об этом или не знает – есть живой излучающий личный центр. Каждый взгляд, каждое слово, каждая улыбка, каждый поступок излучают в общий духовный эфир бытия особую энергию тепла и света, которая хочет действовать в нем, хочет быть воспринятой, допущенной в чужие души и признанной ими, хочет вызвать их на ответ и завязать с ними живой поток положительного, созидającego общения. И даже тогда, когда человек, по-видимому, ни в чем не проявляет себя или просто отсутствует, мы осязаем посылаемые им лучи, и притом тем сильнее, тем определеннее и напряженнее, чем значительнее и своеобразнее его духовная личность.

Мы получаем первое восприятие чужой антипатии, когда чувствуем, что посылаемые нами жизненные лучи не приемлются другим человеком, как бы отталкиваются или упорно не впускаются им в себя. Это уже неприятно и тягостно. Это может вызвать в нас самих некоторое смущение или даже замешательство. В душе возникает странное чувство неудачи, или собственной неумелости, или даже неуместности своего бытия; воля к общению пресекается, лучи не хотят излучаться, слова не находятся, жизненный подъем прекращается и сердце готово замкнуться. Замкнутые и малообщительные люди нередко вызывают такое чувство у общительных и экспансивных людей даже тогда, когда об антипатии не может быть еще и речи. Но антипатия, раз возникнув, может обостриться до враждебности, «сгуститься» в отвращение и углубиться до ненависти, и притом, совершенно независимо от того, заслужили мы эту ненависть чем-нибудь определенным или нет...

Тот, кто раз видел глаза, горящие ненавистью, никогда их не забудет... Они говорят о личной злобе и предвещают беду; а тот, кто их видит и чувствует себя в фокусе этих лучей, не знает, что делать. Луч ненависти есть луч, ибо он горит и сверкает, он заряжен энергией, он направлен от одного духовного очага к другому. Но ненавидящий очаг горит как бы черным огнем, и лучи его мрачны и страшны; и энергия их не животворна, как в любви, а смертоносна и уничтожающа. За ними чувствуется застывшая судорога души; мучительная вражда, которая желает причинить другому муку и уже несет ее с собою. И когда пытаешься уловить, что же так мучает ненавидящего, то с ужасом убеждаешься, что он мечтает увидеть тебя погибающим в муках и мучается от того, что это еще не свершилось... Я смотрю в эти ненавидящие глаза и вижу, что «он» меня не переносит; что «он» с презрительным отвращением отталкивает мои жизненные лучи; что «он» провел черту разлуки между собою и мною, и считает эту черту знаком окончательного разрыва: по ту сторону черты – он в неутомимом зложелательстве, по эту сторону – я, ничтожный, отвратительный, презираемый, вечно недопогубленный; а между нами – бездна... Зайдя в тупик своей ненависти, он ожесточился и ослеп; и вот, встречает всякое жизненное проявление с моей стороны – убийственным «нет». Этим «нет» насыщены все его лучи, направленные ко мне; а это означает, что он не приемлет лучей от меня, не прощает мне моего бытия и не терпит моего существа – совсем и никак. Если бы он мог, то он испепелил бы меня своим взглядом. Он одержим почти маниакальной идеей – моего искоренения: я осужден, совсем и навсегда, я не имею права на жизнь. Как это выражено у Лермонтова: «нам на земле вдвоем нет места»¹ В общем и целом – духовная рана, уродство, трагедия...

Откуда это все? За что? Чем я заслужил эту ненависть? И что же мне делать? Как мне освободиться от этого цепенеющего проклятия, предвещающего мне всякие беды и грозящего мне преднамеренным погублением? Могу ли я пренебречь его ожесточением, пройти мимо и постараться забыть об этой черной злобе? Имею ли я право на это? Как избавиться мне от этого угнетающего сознания, что мое существо вызвало в ком-то такое духовное заболевание, такую судорогу отвращения?

Да, но разве вообще возможно распоряжаться чужими чувствами? Разве возможно проникнуть в душу своего ненавистника и погасить или преобразить его ненависть? И если возможно, то как приступить к этому? И где взять для этого достаточную силу и духовное искусство?..

Когда я встречаюсь в жизни с настоящей ненавистью ко мне, то во мне просыпается прежде всего чувство большого несчастья, потом огорчение и ощущение своего бессилия, а вслед за тем я испытываю настойчивое желание уйти от своего ненавистника, исчезнуть с его глаз, никогда больше с ним не встречаться и ничего о нем не знать. Если это удастся, то я быстро успокаиваюсь, но потом скоро замечаю, что в душе осталась какая-то удручен-

¹ Слова Грушницкого. «Герой нашего времени».

ность и тяжесть, ибо черные лучи его ненависти все-таки настигают меня, проникая ко мне через общее эфирное пространство. Тогда я начинаю невольно вчувствоваться в его ненавидящую душу и вижу себя в ее черных лучах – их объектом и жертвою. Это ощущение трудно выдерживать подолгу. Его ненависть есть не только *его* несчастье, но и *мое*, подобно тому как несчастная любовь составляет несчастье не только любящего, но и любимого. От его ненависти страдает не только он, ненавидящий, но и я – ненавидимый. Он уже унижен своим состоянием, его человеческое достоинство уже пострадало от его ненависти; теперь это унижение должно захватить и меня. На это я не могу дать согласия. Я должен взяться за это дело, выяснить его, преодолеть его и постараться преобразить и облагородить эту болезненную страсть. В духовном эфире мира образовалась рана; надо исцелить и зарастить ее.

Мы, конечно, не можем распоряжаться чужими чувствами; и, действительно, совсем не легко найти верный путь и надлежащую духовную силу для того, чтобы разрешить эту претрудную задачу... Но одно я знаю наверное, именно, что этот мрачный огонь должен угаснуть. Он должен простить меня и примириться со мною. Он должен не только «подарить мне жизнь» и примириться с моим существованием; он должен испытать *радость* от того, что я живу на свете и дать мне возможность радоваться *его* бытию. Ибо, по слову великого православного мудреца Серафима Саровского, «человек человеку – радость»...

Прежде всего мне надо найти и установить, чем и как я мог заслужить эту ненависть? Как могла его возможная любовь ко мне – превратиться в отвращение, а его здоровое уважение ко мне – в презрение? Ведь мы все рождены для взаимной любви и призваны ко взаимному уважению...

Нет ли и моей вины в том, что мы оба теперь страдаем, он, ненавидящий, и я, ненавидимый? Может быть, я нечаянно задел какую-нибудь старую, незаживающую рану его сердца, и теперь на меня обрушилось накопившееся наследие его прошлого, его бывших обид и непрощенных унижений? Тогда помочь может только сочувственное, любовное понимание его души. Но, может быть, я как-нибудь незаметно заразил его моей собственной, скрытой ненавистью, которая жила во мне, забытая, и излучалась из меня бессознательно? Тогда я должен прежде всего очистить свою душу и преобразить остатки моей забытой ненависти в любовь. И если даже моя вина совсем ничтожна и непреднамеренна, то и тогда я должен начать с признания и устранения ее; хотя бы мне пришлось для этого – искренно и любовно – добыть себе прощение от него.

Вслед за тем мне надо простить ему его ненависть. Я не должен, я не смею отвечать на его черный луч таким же черным лучом презрения и отвержения. Мне не следует уклоняться от встречи с ним, я не имею права на бегство. Надо встретить его ненависть лицом к лицу и дать на нее духовно верный ответ сердцем и волею. Отныне я буду встречать луч его ненависти белым лучом, ясным, кротким, добрым, прощающим и добывающимся прощения, подобно тому лучу, которым князь Мышкин встречал черный луч Парфена Рогожина. Мой луч должен говорить ему: «Брат, прости мне, я уже все простил и покрыл любовью, примиришь с моим существованием так, как я с любовью встречаю твое бытие»... Именно с любовью, ибо простить – значит не только не мстить, не только забыть рану, но и полюбить прощенного.

Два человека всегда связаны друг с другом двумя нитями: от *него* ко *мне* и от *меня* к *нему*. *Его* ненависть обрывает первую нить. Если она оборвалась, то страдают оба: *он* – потому что его сердце судорожно сжалось и ожесточилось, и *я* – потому что я должен смотреть, как он из-за меня мучается; и еще потому, что я сам, ненавидимый им, страдаю из-за него. Спасать положение можно только так: поддерживать вторую нить – от *меня* к *нему* – крепить ее и восстанавливать через нее первую. Нет другого пути. Я должен убедить его в том, что я не отвечаю ненавистью на его ненависть; что я не вменяю ему его вражду и злобу; что я признаю свою возможную вину и стараюсь ее искупить и погасить; что я понимаю

его, страдаю вместе с ним и готов подойти к нему с любовью; и, главное, что моей духовной любви хватает для того, чтобы выдержать напор и пыл его ненависти, чтобы встретить ее духовно и постараться преобразить ее. Я должен обходиться с моим ненавистником так, как обходятся с тяжело больным человеком, не подвергая его новым, добавочным страданиям. Я должен посылать ему в моих лучах понимание, прощение и любовь до тех пор, пока он не восстановит оборванную им нить, ведущую ко мне.

Это, наверное, совершится не легко; вероятно, его ненависть будет упорствовать и не захочет так скоро уgomониться и преобразиться. Но я буду настойчив и сохранию уверенность в победе; это залог успеха. Ненависть исцеляется любовью и только любовью. Луч настоящей любви укрощает диких зверей; то, что по этому поводу рассказывают о святых – не фантазия, не благочестивая легенда. Излучение любви действует умиротворяюще и обезоруживающе; напряжение злобы рассеивается; злой инстинкт теряется, уступает и вовлекается в атмосферу мира и гармонии. Все это не пустые слова: любовь заклиняет бури и умиротворяет духовный эфир вселенной; и даже врата адовы ей не препятствие.

А если однажды это состоится, ненависть его преобразится и рана духовного эфира исцелится и зарастет, тогда мы оба будем радоваться радостью избавления и услышим, как высоко над нами все ликует и празднует до самого седьмого неба, ибо Божия ткань любви едина и целостна во всей вселенной.

4. МОЯ ВИНА

Нет, я еще не научился распознавать и нести свою вину. Мне надо для этого больше мужества и смирения. Но, может быть, я однажды еще достигну этого.

Как тягостно, подчас мучительно трудно бывает установить и признать свою вину. Душа начинает беспокойно метаться, а потом просто ожесточаться и не желает видеть правду. Хочется непременно оправдать себя, отвергнуть свою виновность, свалить вину на другого или на других, а главное, – доказать не только другим людям, но и себе самому, да, именно самому себе, что «я тут ни при чем» и что я нисколько не виноват в этом. Виноваты все окружающие, в конечном счете – весь мир, но только не я: враги и друзья, природа и человек, родители и воспитатели, несчастное стечение обстоятельств и тяжелые условия, «среда» и «влияние», небо и ад, но не я! И это можно доказать, и это необходимо удостоверить, потому что в этом «не может быть никакого сомнения»...

Ах, эта предательская «потребность» в самооправдании... Она-то и выдает меня с головой... Эта погоня за доказательствами... Зачем они мне, если я твердо и окончательно уверен, что я «тут ни при чем»? Кто же требует от меня доказательств? Кто заподозревает меня, если не я сам? Но это свидетельствует лишь о том, что в глубине души я все-таки считаю себя виноватым; что есть некий тихий голос, который тайно твердит мне об этом и не оставляет меня в покое...

И вдруг, под влиянием этих неожиданных соображений, мое бегство от собственной вины прекращается... Конец малодушной тревоге. Я готов примириться с мыслью о своей виновности, исследовать, в чем именно я виноват, и признать свою вину. Ведь эта трусость многих уже запутала в тяжелые внутренние противоречия, в раздор с самим собою, в раздвоение личности, а иных доводила и до галлюцинаций. Но я готов... Пусть говорит мой обвинитель.

Да, нужно *мужество*, чтобы спокойно исследовать свою вину и не искать спасения от нее в бегстве. И еще нужно *смирение*. Если человек не переоценивает своих сил и своих качеств, если он не кажется сам себе «умнейшей» и «добрейшей» личностью, то он будет всегда готов предположить свою вину. Зачем рассматривать все свои поступки с их наилучшей, наиболее благороднейшей стороны? Что за наивность... Откуда эта потребность изобра-

жать себя – перед собой и перед другими – всепредвидящим и неопытным праведником? Зачем идеализировать свои побуждения и успокаиваться только тогда, когда небывалый образ «чистоты» и «величия» воссияет под моим именем? Кто из нас свободен от небезупречных желаний и побуждений? Кто из нас прав от рождения и свят от утробы матери?..

Нет, мне надо еще научиться тому, что есть вина, и как ее распознавать и нести в жизни. Как же научиться этому?

Прежде всего надо удостовериться в том, что *все люди*, без исключения, пока они живут на земле, *соучаствуют во всеобщей мировой вине*; желанием и нежеланием, но также и безволием, и трусливым уклонением от волевого решения, деланием и неделанием, но также и полуделанием или пилатовским «умовением рук»; чувствами и мыслями, но также и деревянным бесчувствием и тупым безмыслием. Мы соучаствуем в вине всего мира – непосредственно, и через посредство других, обиженных или зараженных нами, и через посредство третьих, неизвестных нам, но воспринявших наше дурное влияние. Ибо все человечество живет как бы в *едином сплошном духовном эфире*, который всех нас включает в себя и связует нас друг с другом. Мы как бы вдыхаем и выдыхаем этот общий духовный воздух бытия; и посылаем в него свои «волны» или «лучи», даже и тогда, когда не думаем об этом и не хотим этого, и воспринимаем из него чужие лучи, даже и тогда, когда ничего не знаем об этом. Каждая лукавая мысль, каждое ненавистное чувство, каждое злое желание – незримо отравляют этот духовный воздух мира и передаются через него дальше и дальше. И каждая искра чистой любви, каждое благое движение воли, каждая одинокая и бессловесная молитва, каждый сердечный и совестный помысл – излучается в эту общую жизненную среду и несет с собою свет, теплоту и очищение. Бессознательно и полусознательно читаем мы друг у друга в глазах и в чертах лица, слышим звук и вибрацию голоса, видим в жестах, в походке и в почерке многое сокровенное, несовершенное, несказанное и, восприняв, берем с собою и передаем другим. Кащей бессмертный недаром обдумывает свои коварные замыслы. Баба Яга напрасно развозит в ступе свою злобу. Са-танисты не бесцельно и не бесследно предаются своим медитациям. Но и одинокая молитва Симеона Столпника светит миру благодатно и действенно. А неведомые праведники, коими держатся города и царства, образуют истинную, реальную основу человеческой жизни.

Вот почему на свете нет «виновных» и «невинных» людей. Есть лишь такие, которые *знают* о своей виновности и *умеют нести* свою и общемировую вину, и такие, которые в слепоте своей *не знают* об этом и стараются вообразить себе и изобразить другим свою мнимую невинность.

Первые имеют достаточно мужества и смирения, чтобы не закрывать себе глаза на свою вину. Они знают истинное положение в мире, знают об общей связанности всех людей и стараются очищать и обезвреживать посылаемые ими духовные лучи. Они стараются не отравлять, не заражать духовный воздух мира, наоборот – давать ему свет и тепло. Они помнят о своей виновности и ищут верного познания ее, чтобы гасить ее дурное воздействие не увеличивать ее тяжесть. Они думают о ней спокойно и достойно, не впадая в аффектацию преувеличения и не погрязая в мелочах. Их самопознание служит миру и всегда готово служить ему. Это – *носители мировой вины*, очищающие мир и укрепляющие его духовную ткань.

А другие – вечные беглецы, безнадежно «спасающиеся» от своей вины: ибо вина несется за ними, наподобие древней Эринии. Они воображают, что отвечают лишь за то, что они обдуманно и намеренно осуществили во внешней жизни, и не знают ничего о едином мировом эфире и об общей мировой вине, в которой все нити сплелись в несплетаемое единство. Они ищут покоя в своей мнимой невинности, которая им, как и всем остальным людям, раз навсегда недоступна. Как умно и последовательно они размышляют, как изумительна их сила суждения, когда они обличают своих ближних, показывают их ошибки, обви-

няют их, пригвождают их к позорному столбу... И все потому, что им чудится, будто они тем самым оправдывают себя. Но как только дело коснется их самих, так они тотчас становятся близоруки, подслеповаты, наивны и глупы. И если бы они знали, как они вредят этим себе и миру... Они стремятся доказать себе, что они сами «очень хороши» и «совершенно невиновны», что, следовательно, им не в чем меняться и не надо совершенствоваться. Но именно вследствие этого лучи, посылаемые в мир, остаются без контроля и очищения, и мировой воздух, уже отравленный и больной, впитывает в себя снова и снова источаемые ими яды пошлости, ненависти и злобы...

Если я увидел и понял все это, то я стою на верном пути. Каждый из нас должен прежде всего подмести и убрать свое собственное жилище. С этого начинаю и я.

Итак, я не ищу спасения в бегстве. Я принимаю свою вину и несу ее отныне – спокойно, честно и мужественно. Наверное, будут и тяжелые, болезненные часы; но эта боль – очистительная и полезная. Я буду искать и находить свою вину не только в том, что я совершил внешне, в словах и поступках, но и дальше, глубже, интимнее, в моих с виду не выразившихся, а, может быть, и неизреченных состояниях души, там, где начинается мое полнейшее одиночество и куда не проникает мое самопознание. Везде – где у меня не достает любви и прощения; везде – где я забываю о едином «пространстве» и общем «эфире» духа; везде – где я перестаю служить Богу и делать Его Дело или где я, во всяком случае, нецелен в этом служении.

Если я однажды понял мою вину, то мое сожаление о ней должно стать истинным страданием, вплоть до раскаяния и до готовности искупить ее; и главное, – вплоть до решения впредь стать иным и поступать иначе. Так вырастает во мне настоящее *чувство ответственности*; которое будет отныне стоять как бы на страже каждого нового поступка.

Исследуя мою личную вину, я нахожу и распутываю сто других различных нитей, сцеплений и отношений к другим людям. Медленно разворачивается передо мною ткань общественной жизни; я постепенно привыкаю воспринимать и созерцать общий эфир духовного бытия, – и вот я начинаю постигать, что я в действительности «посылаю» в этот общий воздух, и что я из него «получаю». Это научает меня верно измерять мою виновность и не падать под ее реальным бременем. Суровая, но драгоценная школа. Каждый шаг становится для меня ступенью, ведущей к укреплению духа и верного характера. Не впадая в замешательство и не отчаиваясь, я вижу всю мою жизнь, как длинную цепь виновных состояний и деяний – и почерпаю отсюда все больше мужества и смирения.

И по мере того, как я достигаю этого, я получаю право исследовать вопрос о чужой вине не для того, чтобы изобличать других и предавать их осуждению – потребность в этом все более исчезает во мне – но для того, чтобы вчувствоваться в их жизненные положения и в их душевные состояния так, как если бы я каждый раз оказывался на месте виновного человека и как если бы *его* вина была *моею*. Это значительно увеличивает и углубляет мой опыт виновности, и я постепенно научаюсь нести не только свою вину, но и чужую: нести, т. е. преодолевать ее духом и любовью.

Но, по правде говоря, мне еще далеко до этого... Овладею ли я когда-нибудь этим искусством, не знаю... Может быть, и нет... Но одно не подлежит для меня никакому сомнению, а именно, что это – верный путь...

5. О ДРУЖБЕ

У каждого из нас бывают в жизни такие времена, когда естественная, от природы данная нам одинокость вдруг начинает казаться нам тягостною и горькою: чувствуешь себя всеми покинутым и беспомощным, ищешь друга, а друга нет... И тогда изумленно и растерянно спрашиваешь себя: как же это так могло случиться, что я всю жизнь любил, желал,

боролся и страдал, и, главное, служил великой цели – и не нашел ни сочувствия, ни понимания, ни друга? Почему единство идеи, взаимное доверие и совместная любовь не связали меня ни с кем в живое единство духа, силы и помощи?..

Тогда в душе просыпается желание узнать, как же складывается жизнь у других людей: находят они себе настоящих друзей или нет? Как же жили люди раньше, до нас? И не утрачено ли начало дружбы именно в наши дни? Иногда кажется, что именно современный человек решительно не создан для дружбы и не способен к ней... И в конце концов неизбежно приходишь к основному вопросу: что же есть настоящая дружба, в чем она состоит и на чем держится?

Конечно, люди и теперь нередко «нравятся» друг другу и «водятся» друг с другом... Но, Боже мой, как все это скучно, поверхностно и беспочвенно. Ведь это только означает, что им «приятно» и «забавно» совместное времяпрепровождение или же, что они умеют «угождать» друг другу... Если в склонностях и вкусах есть известное сходство; если оба умеют не задевать друг друга резкостями, обходить острые углы и замалчивать взаимные расхождения; если оба умеют с любезным видом слушать чужую болтовню, слегка польстить, немножко услужить, – то вот и довольно: между людьми завязывается так называемая «дружба», которая, в сущности, держится на внешних условностях, на гладко-скользящей «обходительности», на пустой любезности и скрытом расчете... Бывает «дружба», основанная на совместном сплетничании или на взаимном излиянии жалоб. Но бывает и «дружба» лести, «дружба» тщеславия, «дружба» протекции, «дружба» злословия, «дружба» преферанса и «дружба» собутыльничества. Иногда один *берет* займы, а другой *дает* займы – и оба считают себя «друзьями». «Рука моет руку», люди вершат совместно дела и делишки, не слишком доверяя друг другу, и думают, что они «подружились». Но «дружкой» иногда называют и легкое, ни к чему не обязывающее «увлечение», связывающее мужчину и женщину; а иногда и романтическую страсть, которая подчас разъединяет людей окончательно и навсегда. Все эти мнимые «дружбы» сводятся к тому, что люди взаимно посторонние и даже чуждые проходят друг мимо друга, временно облегчая себе жизнь поверхностным и небескорыстным соприкосновением: они не видят, не знают, не любят друг друга, и нередко их «дружба» распадается так быстро и исчезает столь бесследно, что трудно даже сказать, были ли они раньше вообще «знакомы».

Люди сталкиваются друг с другом в жизни и отскакивают друг от друга, подобно деревянным шарам. Таинственная судьба взметает их, как земную пыль, и несет их через жизненное пространство в неизвестную даль, а они разыгрывают комедию «дружбы» в трагедии всеобщего одиночества... Ибо без живой любви люди подобны мертвому праху...

Но истинная дружба проламывает это одиночество, преодолевает его и освобождает человека к живой и творческой любви. *Истинная дружба*... Если бы только знать, как она завязывается и возникает... Если бы только люди умели дорожить ею и крепить ее...

На свете есть только одна единственная сила, способная преодолеть одиночество человека; эта сила есть *любовь*. На свете есть только одна возможность выйти из жизненной пыли и противостоять ее вихрю; это есть *духовная жизнь*. И вот, истинная дружба есть *духовная любовь*, соединяющая людей. А *духовная любовь* есть сущее *пламя Божие*. Кто не знает Божьего пламени и никогда не испытал его, тот не поймет истинной дружбы и не сумеет осуществить ее, но он не поймет также ни верности, ни истинной жертвенности. Вот почему к истинной дружбе способны только *люди духа*.

Нет истинной дружбы без любви, потому что именно любовь *связывает* людей. А истинная дружба есть *свободная связь*: в ней человек сразу – *свободен и связан*; и связь эта не нарушает и не уменьшает свободы, ибо она осуществляет ее; и свобода эта, осуществляя себя в привязанности, связывает человека с человеком в духе. Самая крепкая связь на земле есть свободная связь, если она складывается в Боге, соединяет людей через Бога и закрепляется

перед лицом Божиим. Вот почему в основе каждого настоящего брака и каждой здоровой семьи лежит свободная, духовная дружба. Истинная дружба, как и истинный брак, заключается в небесах и не расторгается на земле.

Если мы видим где-нибудь на земле истинную верность и истинную жертвенность, то мы можем с уверенностью принять, что они возникли из настоящей духовной близости. Дружба свойственна только людям духа: это *их* дар, *их* достояние, *их* способ жизни. Люди без сердца и без духа неспособны к дружбе: их холодные, своекорыстные «союзы» всегда остаются условными и полупредательскими; их расчетливые и хитроумные объединения держатся на уровне рынка и карьеризма. Истинное единение людей возможно *только в Божием луче*, в духе и любви.

Настоящий человек носит в своем сердце некий скрытый жар, так, как если бы в нем жил таинственно раскаленный уголь. Бывает так, что лишь совсем немногие знают об этом угле и что пламя его редко обнаруживается в повседневной жизни. Но свет его светит и в замкнутом пространстве, и искры его проникают во всеобщий эфир жизни. И вот, истинная дружба возникает из этих искр.

Кто однажды видел пылинку радия, тот никогда не забудет этого чуда Божия. В малом замкнутом пространстве, в темноте, за стеклом лупы, видно крошечное тело, из которого непрерывно вылетают во все стороны подвижные искорки и быстро исчезают в темноте. Легким поворотом винта можно слегка ослабить зажим пинцета, держащего эту пылинку, — и тогда искры начинают вылетать щедро и радостно; зажим усиливается — и искры летят скудно и осторожно. А естествоиспытатели утверждают, что лучевой заряд этой пылинки будет действителен по крайней мере две тысячи лет...

Наподобие этого живет и сверкает человеческий дух; так посылает он свои искры в мировое «пространство». И из этих искр возникает истинная дружба.

Есть люди, для которых слово «дух» не пустой звук и не мертвое понятие: они знают, что в жизни есть «Божии цветы», и что жизнь ими красуется и светится; они знают, что человеку дано *внутреннее око*, способное видеть и узнавать эти цветы; они ищут их, находят их, радуются им и любят их сердцем. Такие люди носят в своем сердце духовный «заряд» и «душевный жар». Их личный дух подобен пылинке радия, излучающей свои искры в мировое пространство. И в каждой такой искре сверкает их любовь и светит сила любимого ими божественного содержания. И каждая такая искра ищет приятия, признания и ответа, ибо человеческая любовь всегда требует понимания и взаимности.

Но излетевшая искра духа может быть воспринята и постигнута только духовно живым и искрящимся духом, только таким сердцем, которое само любит и излучает. Холодный мрак поглощает все бесследно. Мертвая пустота не может дать ответа. Огонь стремится к огню и свет тянется к свету. И когда встречаются два огня, то возникает новое мощное пламя, которое начинает шириться и пытается создать новую, живую «ткань» огня.

Истинная дружба начинается там, где излетевшая искра духа касается чужой огненной купины и воспринимается ею. За восприятием следует ответная искра, которая воспринимается первопославшим и вызывает в нем ответ на ответ. Тогда начинается световой обмен. Искры отнюдь не исчезают в окружающем мраке. Каждая достигает цели и зажигает. Вспыхивают целые снопы света, пламя разгорается, пожар растет. Свободные дары, творческое восприятие, светлая благодарность... И ни тени зависти. Дух наслаждается своей беззаветной откровенностью. Он знает, что его встретит духовное созерцание и вчувствующееся постижение. Сердце чутко вслушивается и радостно предвосхищает дальнейшее. И пламя Божие справляет на земле свой праздник...

Да, человеческая *душа* одинока на земле и часто страдает от этого. Она может почувствовать себя покинутой и брошенной. Но *дух* человека не мирится с одиночеством. Он укореняется в Божественном, живет для Божьего дела, свободно рассылает свои искры и

никакие «стены» ему не страшны. Он не верит в то, что атомное разъединение или распыленная множественность составляет последнее слово человеческого бытия, непреодолимую форму жизни; он не верит, что люди обречены на одинокое блуждание в хаосе, что им никогда не найти друг друга; он не верит в торжество «мировой пыли». Где-то, неизвестно где, когда-то, неизвестно когда, в великом лоне Божиих замыслов и творческих идей он видел некое видение: единое, сплошное море пламени *сонно почивало* в пророческом спокойствии, так, как оно было задумано Богом изначала и призвано к *пробужденному бытию* в грядущем; он узрел это видение – вступил в новое, земное бытие, чтобы проснуться в виде обособленного, единичного «огонька» и начать на земле творческую борьбу за *духовно пробужденное воссоединение человеческого огневого множества*... Ибо человеческие души, эти духовные огни Божии, призваны пройти через индивидуацию и одиночество и вновь воссоединиться в единое, сплошное море – но уже духовно пробужденного огня...

И вот, истинная дружба как любовь, и притом, как духовная любовь, создает первоначальную ячейку этого единства; из таких ячеек духовного огня сложится однажды великое и единое пламя Божие, светлая и радостная ткань Божьего Царства во вселенной...

Вот почему каждый духовно живой человек ищет истинной дружбы на земле и бывает счастлив, если ему удастся найти ее и осуществить. Этим он исполняет завет своего Творца и участвует в совершении Его обетования; этим он участвует в обновлении и преображении Божьего мира.

На свете есть много людей, которые ничего не знают об истинной дружбе и тем не менее беспомощно толкуют о ней; и не находя к ней пути, и не зная, как осуществить ее, удовлетворяются земною страстной «любовью», обычно вынося из нее разочарование и уныние. Но именно они должны узнать и почувствовать, что они призваны к ней и что она для них достижима. Ибо самый слабый луч благожелательства, сострадания, бережного и чуткого отношения человека к человеку; – и малейшая искра духовного обмена, в живой беседе, в искусстве, в совместном исследовании или созерцании; – и всякая попытка совместно помолиться единому Божеству единым воздыханием, – содержит уже начаток, зерно истинной дружбы. Лестница начинается уже с первой ступени; и пение начинает свою мелодию уже с первого звука... И как грустно, если жизнь пресекается уже в своем зерне, если лестница обламывается на первой ступени, если песнь обрывается на первом звуке!..

Поэтому каждый из нас должен всю жизнь искать истинной дружбы, духовно строить ее и любовно беречь ее. Тогда он узнает, в чем состоит блаженство истинной *верности* и легкая естественность настоящей *жертвы*.

II. ШКОЛА ЖИЗНИ

6. МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Одно мгновение живет этот блаженный шарик... Всего один краткий миг – и конец... Радостный миг! Светлое мгновение! Но его надо создать и уловить, чтобы насладиться как следует; иначе все исчезнет безвозвратно... О, легкий символ земной жизни и человеческого счастья!..

Легкими стопами, тихими движениями, сдерживая дыхание, надо приступить к этому делу: заботливо выбрать соломинку, непомятую, девственную, без внутренней трещины; осторожно, чтобы не раздавить ее, надо надрезать один конец и отвернуть ее стенки... И потом бережно окунуть ее в мыльную муть, чтобы она вволю напилась и насытилась... Лучше не торопиться. Главное – не волноваться и не раздражаться. Все забыть; погасить все мысли и заботы. Отпустить все напряженные мускулы. И предаться легкому, душевному равновесию; ведь это игра... И захотеть играющей красоты, заранее примирившись с тем, что она будет мгновенная и быстро исчезнет...

Теперь можно бережно извлечь соломинку, отнюдь не стряхивая ее и доверяя ей, как верному помощнику; затем набрать побольше воздуха, полную грудь... и тихо, тихо, чуть заметным, скудным дуновением дать легчайший толчок рождению красоты...

Вот он появился, желанный шарик, стал наполняться и расти...

Не прерывать дыхания! Бережно длить игру. Ласково беречь рожденное создание. Чутким выдохом растить его объем. Пусть покачивается чуть заметным ритмом на конце соломинки, пусть наполняется и растет...

Вот так! Разве не красиво? Законченная форма. Веселые цвета; все богаче и разнообразнее оттенки красок. И внутри играющее круговое движение. Шар все растет, все быстрее внутреннее кружение, все сильнее размах качания. Целый мир красоты, законченный и прозрачный...

А теперь создание завершилось. Оно желает отделиться, стать самостоятельным и начать радостный и дерзновенный полет через пространства... Надо остановить дыхание и отвести соломинку от губ. Окрестный воздух должен замереть! Ни резких жестов, ни вдоха, ни слова! Бережным движением надо скользнуть соломинкой в сторону и отпустить воздушный шар на волю...

О, дерзновенно-легкий полет навстречу судьбе... О, миг беззаботного веселья...

И вдруг – все погибло! И веселое создание разлетелось брызгами во все стороны...

Ничего! Мы начнем сначала...

«Что за ребячество»... «Какой смысл в этой детской забаве?»...

Да, это, конечно, «детская забава»... И все же – не только «детская», и не просто «забава». Признаюсь, я с удовольствием предаюсь этой игре и многому научился при этом...

«Помилуйте, да чему же можно научиться у мыльного пузыря?»

Всякая красота, даже само-малейшая, даже самая бесцельная, так же как и всякий радостный миг жизни – имеют большую, непреходящую ценность. Они смывают душевные огорчения, они несут нам легкое дыхание жизни (даже и тогда, когда учат нас бережно выпускать воздух) и дают нам немножко счастья... И мы можем быть уверены: ни *один легкий, счастливый миг не пропал даром в человеческой жизни, а следовательно, и в мировой истории*...

Совсем не надо ждать, чтобы легкая красота или этот счастливый миг сами явились и доложили нам о себе... Надо звать их, создавать, спешить им навстречу... И для этого

годится всякая невинно-наивная игра, состоящая хотя бы из соломинки и мыла... Так много легкого и красивого таится в игре и рождается из игры. И недаром дыхание игры живет в искусстве, во всяком искусстве, даже в самом серьезном и трудном...

Не отнимайте у взрослого человека игру: пусть играет и наслаждается. В игре он отдыхает, делается радостнее, ласковее, добрее, становится как дитя. А свободная, невинная целесообразность, – бескорыстная и самозабвенная, – может исцелить его душу.

Но мгновение красоты посещает нас редко и гостит коротко. Оно исчезает так же легко, как мыльный шарик. Надо ловить его и предаваться ему, чтобы насладиться. Обычно оно не повинуетя человеческому произволению; и насильственно вызвать его нельзя. Легкою поступью приходит к нам красота, часто неожиданно, ненароком, по собственному почину. Придет, осчастливит и исчезнет, повинуюсь своим таинственным законам. И к законам этим надо прислушиваться, к ним можно приспособиться, в их живой поток надо войти, повинуюсь им, но не требуя от них повиновения...

Вот почему нам надо научиться *внимать*: с затаенным дыханием внимать природе вещей, чтобы вступить в ее жизненный поток и приобщиться счастью природы и красоте мира. И потому всякий, кто хочет живой природы, легкого искусства, радостной игры, должен освободить себя внутренне, погасить в себе всякое напряжение, отдаться им с детскою непосредственностью и блюсти легкое душевное равновесие, наслаждаясь красотой и радостью живого предмета.

Наши преднамеренные, произвольные хотения имеют строгий предел. Они должны смолкнуть и отступить. И творческая воля человека должна научиться *повиновению*: *послушание природе* есть путь к радости и красоте. Мы не выше ее; она мудрее нас. Она сильнее нас, ибо мы сами – природа и она владеет нами. Ее нельзя предписывать; ее живой поток не следует прерывать; и тот, кто дует против ветра или в перебой его полету, не будет иметь успеха. Порыв не терпит перерыва; а прерванный порыв – уже не порыв, а бессилие.

Но прежде чем предаться этому играющему порыву и приступить к созданию новой красоты, надо возыметь *доверие* к себе самому; надо погасить всякие отговорки и всякие побочные соображения, надо отдаться непосредственно, не наблюдать за собою, не прерывать себя, не умничать, не обессиливать себя разными «намерениями» и «претензиями»... Надо забыть свои личные цели и свои субъективные задания, ибо всякая игра имеет *свою предметную цель* и свое собственное задание. Этой цели мы и должны отдаваться, чем наивнее, чем непосредственнее, чем цельнее, тем лучше.

А когда он настанет, этот радостный миг жизни, надо его беречь, ограждать, любить; – все забыть и жить им одним, как замкнутым, кратковременным, но прелестным мирозданием...

Тогда нам остается только – благодарно наслаждаться и в наслаждении красотой находить исцеление.

А если однажды настанет нежеланный миг и наша радость разлетится «легкими брызгами», тогда не надо роптать, сокрушаться или, Боже избави, отчаиваться. Тогда скажем угасшему миру ласковое и благодарное «прости» – и весело, и спокойно начнем сначала...

Вот чему я научился у мыльного пузыря.

И если кто-нибудь подумает, что самый мой рассказ не больше, чем мыльный пузырь, то пусть он попробует научиться у моего рассказа той мудрости, которую мне принесло это легкое, краткожизненное, но прелестное создание... Может быть, ему это удастся...

7. ОБЛАКА

Я полюбил облака еще ребенком. Я не знал, за что, и не мог бы тогда рассказать, чем они меня пленяют. Но я мог любоваться ими без конца. Они казались мне живыми суще-

ствами, которые сами плывут в блаженную даль и меня зовут с собою: там жизнь воздушна и светла, легка и радостна. Какие-то желанные сны просыпались в душе, какие-то чудесные сказки завязывались в этих облаках. Я засматривался на эти воздушные сказки, пока не заболела шея и не начиналось тихое головокружение; кто-нибудь из старших называл меня «ротозеом», и я ходил некоторое время, словно пьяный. О, любимые друзья моих детских мечтаний, кроткие, ласковые, озаренные... Мы ничего не требовали друг от друга, мы ничего не обещали друг другу; они только плыли надо мною, а я наслаждался ими и забывал мои детские огорчения...

Я уже давно вырос, но ребенок живет во мне по-прежнему и радуется на своих старых и всегда юных друзей. А говорят, будто на свете нет вечной привязанности... Как только жизнь становится мне в тягость, как только земные состояния кажутся мне непосильными, — я обращаюсь к облакам, я ухожу в их созерцание и утешаюсь.

Совсем незаметно и неожиданно оказываешься в другом мире, живущем по иным законам и радостно принимающем тебя в свой состав. Какая дивная вознесенность надо всем, и как она легка; она дается им сама собою, без малейшего труда: она у них врожденная. И потому они сами так легки, так скромны, так свободны от всяких притязаний; они, наверное, не знают ничего о своей величавости и вознесенности. Или, может быть, они все же смутно ощущают эту могучую, неизмеримую, божественную высоту, которая простирается над ними?..

И потом — эта тишина, это спокойствие, эта дивная беззвучность! Она изливается от них и воспринимается нами как облегчение, как отпущение и освобождение. И в глубине души рождается лермонтовская мечта стать как они: приобщиться их беззаботности, бесстрастию их воздушных игр, безболию и безволию этих светорожденных созданий.

Как быстро они возникают! Как покорно они сливаются, растекаются и тают; как охотно они исчезают совсем, принимая свою судьбу и поддаваясь легчайшему ветерку. И все-таки чудится иногда, что они уверенно и настойчиво плывут к своей цели, как если бы они точно знали, куда спешат.

И вечно меняется их образ, их очертание, их строение. Каждый миг обновляет их; каждый час делает их неузнаваемыми; каждый день несет нам небывалое и неповторимое. Неисчерпаемое богатство воздушных форм; непредвиденные сочетания бытия и небытия, пустоты и полноты; неожиданные, неопишуемые оттенки света и тени, тусклой серости и ликующих красок. То простота млечного покрова; то прозрачность тончайшей сети; то сложнейшее нагромождение тяжелых масс. И подчас их облик так странно напоминает наши земные формы. Не горы ли вознеслись там вдали, закрывая горизонт? А здесь — не развалины ли небесного замка? Как таинственен этот вход в огромную пещеру!.. Проползают и исчезают драконы. Проплывают лежащие ели. Слагаются и уносятся крылья ангелов. Вихрями выются легкие кудри. Плывут воздушные корабли. Встают грозные, играющие видения. И все исчезает, и вот — на голубом небе ни облачка. Сколько чудесных иллюзий, сколько блаженных возможностей, сколько мгновенных поэм, вызываемых к жизни и отзываемых неведомым поэтом мироздания. И все — всегда — прекрасно; прекрасно и значительно; даже и тогда, когда все сольется в серую, сумрачную, безнадежную пелену. Великое зрелище. Щедрый дар. Небесная картина. Божия беседа и Божие утешение.

Этот дар дается нам для того, чтобы нам было куда спастись из этого перенапряженного, замученного мира с его злобою и тяготою, с его чрезмерными требованиями. Здесь нам открывается дверь в царство легкой безответственности и прекрасного безразличия. Тут от нас никто ничего не требует, никто ничем не грозит и ни к чему не принуждает. Нам не нужно желать, добиваться, судить, отвергать, сосредоточиваться и помнить. Здесь не надо бороться и негодовать. Здесь можно забыться. Пусть задремлет утомленная воля, пусть исчезнут напряженные помыслы, пусть успокоится огорченное или раненое сердце. Челю-

век предается легкому и свободному взиранию; ему дается счастье чистого и бескорыстного созерцания; он вступает в некий божий театр, древний как мир и благодостный как его Творец.

Облака дают нам самозабвение, уводят нас от дневной заботы, смягчают и утоляют наш гнев, разрешают все судороги души, угашают ее жадность, рассеивают ее сумраки и смягчают ее упрямство, – столь бесстрастно и свободно их течение, столь кротко и благодушно их легкое естество. Успокаивается ожесточенная воля, – и сладостно становится человеку ничего не желать и иметь право на безволие. Отдыхает утомленная мысль, – и уподобляется покой бездумия, рассредоточенного и наивного неразумения. Изболевшееся сердце перестает любить или не любить, звать или возмущаться, – целебно льется в него бесстрастие тишины, смирения и благодарности. И вся душа очищается, созерцая этот символ земной отрешенности и небесной благодости, – все покрывающей и прощающей щедрости.

Если бы мы чаще и дольше созерцали облака, то мы, наверное, сами стали бы лучше. Ведь это живые сказки, сказки о том, как сбываются несбыточные желания... Или, может быть, это верные тени высших, небесных сил? Может быть, это дым кадильный, клубами овевающий незримый алтарь Божий? Почему сердце мое трепещет от предчувствия, когда заходящее солнце освещает это мощное, грозное облако, как бы благословляя его и даруя ему невиданную красоту? Почему я чувствую иногда, что по этим облакам, во всей силе и славе их, мог бы шествовать сам Господь Вседержитель? Может быть, это просыпается во мне довременная память о том, что совершалось в древнем бытии вещей? Или, может быть, я сам некогда был облаком и ныне радостно узнаю моих древних братьев?

Кто созерцает облака и живет в них сердцем, тот видит сны наяву, сны о возможном и приближающемся совершенстве... Может быть, это снятся нам дивные помыслы Божии, легким дуновением покинувшие лоно Его?..

8. О ЛИШЕНИЯХ

Когда мне стукнуло восемь лет, бабушка подарила мне на елку красивую тетрадь в синем сафьянном переплете и сказала: «Вот тебе альбом, записывай в него все, что тебе покажется умным и хорошим; и пусть каждый из нас напишет тебе что-нибудь на память»... Вот было разочарование!.. Мне так хотелось оловянных солдатиков, они даже по ночам мне снились... И вдруг – альбом.

Какая скучища... Но дедушка взял мою сафьянную тетрадь и написал на первой странице: «Если хочешь счастья, не думай о лишениях; учись обходиться без лишнего»... Да, хорошо ему было говорить: «не думай»... А мне было до слез обидно. Но пришлось помириться...

Я тогда и не заметил, как глубоко меня задел этот постылый жизненный совет, данный мне дедом. Сначала я и слышать о нем не хотел: это была прямая насмешка надо мною и над моими солдатиками. Но позднее... и потом еще много спустя... У меня было так много лишений в жизни... И всегда, когда мне чего-нибудь остро недоставало или когда приходилось терять что-нибудь любимое, я думал о сафьянной тетради и об изречении деда. Я и сейчас называю его «правилом счастья» или «законом оловянного солдата». Кажется, тут замешана и сказка Андерсена «Стойкий оловянный солдатик»: храбрый был малый – прошел через огонь и воду, и даже глазом не моргнул...

А теперь этот закон кажется мне выражением *настоящей жизненной мудрости*. Жизнь есть борьба, в которой мы должны побеждать; а победителем становится тот, кто осуществляет благое и справедливое. Конечно, тут являются искушения и опасности; и каждая опасность есть в сущности угроза. Если рассмотреть все эти угрозы, то все они приблизительно одинаковы: *они грозят лишениями*. Потому, что так называемые «унижения» суть тоже

лишения в вопросах независимости, признания со стороны других и жизненного успеха; эти лишения бывают, конечно, наиболее тягостными. Нельзя примириться с утратой истинного достоинства и уважения к себе, но нельзя принимать к сердцу отсутствие успеха у других, а также поношение и клевету. Мы должны уметь обходиться без жизненного «успеха», без «почета» и без так называемой «славы».

И вот, если я буду бояться таких и им подобных лишений, то мне придется отказаться от главного, *предметного успеха в жизни* и от победы в жизненной борьбе. А если я хочу *предметной* победы, то я должен *пренебречь лишениями и презирать угрозы*. То, что иногда называют «крепкими нервами», есть не что иное, как мужественное отношение к возможным или уже начавшимся лишениям. Все, что мне грозит, и притом часто *только* грозит и даже не осуществляется, есть своего рода лишение, – лишение в области еды, питья, одежды, тепла, удобства, имущества, здоровья и т. д. И вот, человек, поставивший себе серьезную жизненную задачу, имеющий великую цель и желающий предметного успеха и победы, должен *не бояться лишений*; мужество перед лишениями и угрозами есть уже половина победы, или как бы выдержанный «экзамен на победу». Тот, кто трепещет за свои удобства и наслаждения, за свое имущество и «спокойствие», тот показывает врагу свое слабое место, он подставляет ему «ахиллесову пятую» и будет скоро ранен в нее: он будет ущемлен, обессилен, связан и поработен. Ему предстоит жизненный провал...

Всю жизнь нам грозят лишениями. Всю жизнь нас беспокоят мысли и заботы о возможных «потерях», «убытках», унижениях и бедности. Но именно в этом и состоит школа жизни: в этом – подготовка к успеху, закал для победы. То, чего требует от нас эта школа, – есть *духовное преодоление угроз и лишений*. Способность легко переносить заботы и легко обходиться без того, чего не хватает, входит в искусство жизни. Никакие убытки, потери, лишения не должны выводить нас из душевного равновесия. «Не хватает?» – «Пусть себе не хватает. Я обойдусь»... Нельзя терять священное и существенное в жизни; нельзя отказываться от *главного*, за которое мы ведем борьбу. Но все несущественное, повседневное, все мелочи жизни – не должны нас ослеплять, связывать, обессиливать и поработать...

Искусство сносить лишения требует от человека двух условий.

Во-первых, у него должна быть в жизни некая *высшая, все определяющая ценность*, которую он действительно больше всего *любит* и которая на самом деле *заслуживает* этой любви. Это и есть то, чем он живет и за что он борется; то, что освещает его жизнь и направляет его творческую силу; то, перед чем все остальное бледнеет и отходит на задний план... Это есть священное и освящающее *солнце любви*, перед лицом которого лишения не тягостны и угрозы не страшны... Именно таков путь всех героев, всех верующих, исповедников и мучеников...

И, во-вторых, человеку нужна способность *сосредоточивать свое внимание, свою любовь*, свою волю и свое воображение – не на том, чего не хватает, чего он «лишен», но *на том, что ему дано*. Кто постоянно думает о недостающем, тот будет всегда голоден, завистлив, заряжен ненавистью. Вечная мысль об убытках может свести человека с ума или уложить в гроб² вечный трепет перед возможными лишениями унижает его и готовит его к рабству. И наоборот: тот, кто умеет с любовью вчувствоваться и вживаться в дарованное ему, тот будет находить *в каждой жизненной мелочи новую глубину и красоту жизни*, как бы некую *дверь, ведущую в духовные просторы*; или – вход в сокровенный Божий сад; или – колодезь, щедро льющий ему из глубины бытия родниковую воду. Такому человеку довольно простого цветка, чтобы коснуться божественного миротворения и изумленно преклониться перед ним; ему, как Спинозе, достаточно наблюдения за простым пауком, чтобы постигнуть строй природы в его закономерности; ему нужен простой луч солнца, как Диогену, чтобы

² Ср. рассказ Чехова «Скрипка Ротшильда».

испытать очевидность и углубиться в ее переживание. Когда-то ученики спросили у Антония Великого, как это он видит Господа Бога? Он ответил им приблизительно так: «Ранним утром, когда я выхожу из моей землянки в пустыню, я вижу, как солнце встает, слышу, как птички поют, тихий ветерок обдувает мне лицо – и сердце мое видит Господа и поет от радости»...

Каким богатством владеет бедняк, если он умеет быть богатым...

Это значит еще, что лишения призывают нас к сосредоточенному созерцанию мира, так, как если бы некий сокровенный голос говорил нам: «В том, что тебе *уже дано*, сокрыто *истинное богатство*; проникни в него, овладей им и обходись без всего остального, что тебе *не дано*, ибо оно тебе не нужно»... Во всех вещах мира есть *измерение глубины*. И в этой глубине есть потаенная дверь к мудрости и блаженству. Как часто за «богатством» скрывается сущая скудость, жалкое убожество; а бедность может оказаться сущим богатством, если человек духовно овладел своим скудным состоянием...

Поэтому не хорошо человеку обходиться без лишений; они нужны ему, они могут принести ему истинное богатство, которого он иначе не постигнет. Лишения выковывают характер, по-суворовски воспитывают человека к победе, учат его самоуглублению и обещают ему открыть доступ к мудрости.

И я не ропщу на лишения и утраты, постигшие меня в жизни. Но о моей синей сафьянной тетради, научившей меня когда-то «закону оловянного солдатика», я вспоминаю с благодарностью: она отняла у меня когда-то желанную игрушку, но открыла мне доступ к истинному богатству. И *ее* – я не хотел бы лишиться в жизни...

9. О ЗДОРОВЬЕ

«Как это томительно, все время думать о своем здоровье... вечно беречься, всего опасаться, обходиться без запрещенного и все спрашивать: не повредит ли мне то-то и то-то? Вся жизнь наполняется страхом и опасениями... Все время наблюдаешь за собой, живешь с оглядкой, становишься сам себе тюремным наблюдателем... Радость жизни исчезает. Душой овладевает мнительность, ипохондрия. Не жизнь, а прозябание. Кому и зачем нужна такая жизнь?»...

Так жаловался я однажды в письме к моему деду, когда у меня начался процесс в легких и я должен был лечь в санаторию на много месяцев. Вот была тоска! Один этот градусник три раза в день, который я называл тогда «тюрьмометром»... Я был молод, подвижен, разговорчив и как раз начал интересную научную работу, которая требовала постоянных справок в библиотеке и выписок. И еще одно: я был влюблен... и не уверен в ее отношении ко мне. Ах, как я тогда терзался!..

Милый мой дед... Он давно уже скончался... Но я сохранил его ответное письмо. Оно настолько значительно и глубокомысленно, что его следовало бы непременно напечатать. У моего деда философия вырастала из сердца, питалась созерцанием и сливалась с жизнью; но больших философских трудов после него не осталось.

Вот его письмо от слова до слова.

«Ах ты, мой нетерпеливец, – писал он мне. – Чего ты томишься? Ведь я по письму твоему слышу, как ты тоскуешь. Пожалуйста, успокойся и не мешай своему Врачу. Да нет, не санаторному, Бог с ним; он все равно будет делать свое дело. Я разумею *твоего собственного, внутреннего* Врача, с которым ты не в ладах. А ты о нем ничего и не знаешь? Тогда я должен рассказать тебе про него. Но ты изволь спокойно лечь, поудобнее. Вот так, на спину... Удобно? Ну и не напрягайся, не делай угрюмого лица! Если будешь предаваться мрачным мыслям, то ничего не услышишь и не поймешь из моего рассказа. Пожалуйста,

не хмурь бровей. Дыши спокойно и глубоко, будто заснуть хочешь. Ну вот, а теперь слушай меня сердцем и внутренне проверяй каждое мое слово.

У всякого из нас есть свой собственный, внутренний Врач. Его нельзя ни видеть, ни слышать. Он ведет скрытую, таинственную жизнь и не отвечает на прямые вопросы. Но к нему можно и должно «прислушиваться». Изредка мы его видим во сне, но обыкновенно не знаем, что это он. Тогда нам снится какой-то симпатичный, дружелюбный человек, к которому мы питаем полное доверие; он очень благожелателен, сопровождает нас, молча помогает нам в делах и устраняет всякие неприятности; обычно мы не видим даже его облика, он живет как будто в тени; мы чувствуем только доброе и заботливое существо, и просыпаемся с чувством благодарности, ободренные и обласканные... Это и есть наш внутренний Врач, который нам дан на всю жизнь и с которым мы должны жить в ладах...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.